

II ежегодная научно-практическая конференция
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

26 – 27 ноября 2014 года, г. Одесса (Украина)

Доклад в разделе конференции:
Вопросы адаптации и развития человека

О СМЫСЛАХ, РЕЛЯТИВИЗМЕ И АДАПТИВНОСТИ

Елена Александровна Корнеева Ph.D

Практикующий психолог, Deegenbergklinik, Bad Kissingen, Германия

«Мир создан не для того, чтобы его понимать.
Ему нет дела до того, понимают его или нет.
Возможно даже мир был создан для того, чтобы оставаться непостижимым.
Познание мира, являясь частью мира, остаётся при этом полной иллюзией.
Именно это я нахожу интересным, так как это означает, что мышление – есть
лишь часть целого, и что для всего целого интерпретации не существует.»

Жан Бодрийар

Современным поколениям человечества выпало существовать в весьма турбулентное время: геополитически изменяются границы государств, социально-психологически изменяются и сами концепции государств как

национальных или федеральных образований. На сегодня уже уместно говорить не о государственных образованиях и взаимном противостоянии их интересов, как то было ранее, а о соотношении сил и антагонизмах между группами, сформированными либо корпоративно-орденскому признаку, либо по признаку доступа к определенному рода ресурсам. Так, сегодня не национальная или этническая принадлежность может являться определяющей чертой личностной социальной идентичности, а принадлежность к той или иной прослойке или социальной группе, обладающей географической мобильностью (возможностью проживать в любой точке мира), способами и средствами заработка, не ограниченными какой-либо одной местностью и постиндустриальными по своему характеру, то есть построенными на тиражировании копий, во многих случаях лишь виртуальных (цифровых). Такие категории как нетократия, постиндустриальный производитель/постиндустриальный капиталист, корпоратократия и киберпанк (иждивенческие классы) приобретают всё более реальное наполнение и релевантность в дискурсе социально-значимых процессов. Соответствующее переформатирование соотношений и связей общественных классов и самого понятия класс, а также соответствующая социальная рестратификация и в вместе с нею смещение прежних акцентов в (со-)отношении (новых) элит и электоральных групп становятся всё более заметны и всё более далеки от традиционного марксовского их понимания.

На порядки возросло и количество информации, потребляемой индивидуумом ежедневно осознанно и неосознаваемо из разнообразных источников; уже институционализировались профессии и виды бизнеса, завязанные исключительно на сетевых коммуникациях. Всё это – и описанные геополитические изменения, и всё более ощутимая миграция существования в режим онлайн накладывает отпечаток на актуальное восприятие реальности современным индивидуумом, на мотивацию и степень вовлечённости индивида в те или иные социальные и социально-политические процессы, на характер принимаемых индивидуумом решений и на его фактическое поведение в реальном мире. Это и определяет серьезный психологический вызов, приобретший уже перманентный характер и ознаменовавший нашу эпоху. От того, каким образом личность отвечает на подобного рода вызов, зависит не только степень её социальной успешности и её психологическое благополучие, но и степень её безопасности, равно как и в известных случаях сама вероятность её физического выживания.

Означенные здесь изменения находят своё отражение и в модификации

способов управления массами, и в трансформировании характера классовых антагонизмов и классовой борьбы. На данный момент некоторые общества переживают (и некоторые уже полностью пережили) смену парадигмы концепции управления большими социальными группами. От парадигмы управления к парадигме мотивирования – так можно кратко обозначить этот парадигмальный сдвиг. Элитам государств, которые принято именовать развитыми, давно пришлось отказаться от управления массовым сознанием методами принуждения или давления; ныне массами не управляют, массы мотивируют, то есть подвергают влиянию и модифицируют иерархии мотивов соответствующих целевых групп и их психологические приоритеты, тем самым сподвигая данные группы на принятие тех или иных решений и на те или социально-значимые действия. Тоталитарные и авторитарные методы управления, характеризующиеся грубыми мерами принуждения остались в прошлом, «не принуждать, а сподвигать» – принцип агитирования современных элит.

Характерной чертой данных методов мотивирования является апеллирование через когнитивную сферу к бессознательной сфере, сфере инстинктов и эмоций с целью модификации актуальных потребностей и их ре-иерархизации, а также создания псевдо-потребностей и, соответственно, мотива и стремления эти потребности удовлетворять. Иллюстрацией такого мотивирования могут в частности служить предвыборные кампании, равно как и социальные волнения, в которые рано или поздно оказываются вовлечены значимые по своему числу массы граждан.

Эффект, создаваемый подобными методами мотивирования, это снижение или утрата способности индивида самостоятельно выносить оценки происходящим событиям и поступкам окружающих, критически мыслить и оценивать текущую ситуацию, самостоятельно дефинировать свои личностные стратегические и тактические приоритеты. Собственно, и смысл, и цель такого метода управления – сделать индивида управляемым, то есть исполнителем воли заказчика, не включая или как можно менее включая сознательную (когнитивную) сферу индивида в формулу отношений элит (заказчика) и электората (управляемый ресурс).

По своей сути эта модель управления большими группами феноменологически наследует принципы авторитарной модели управления, однако отличается от нее неким компонентом «soft power», который является эффектом, создаваемым «мягким» мотивированием вместо традиционного авторитарного давления (принуждения) сверху вниз. Таким образом

мотивирование обладает значительно меньшим потенциалом сопротивления со стороны масс и меньшим потенциалом их протестной готовности, а стало быть, оно и гораздо менее затратно для элит.

Доступ к эмоционально-волевой сфере и сфере мотивов человека, как известно, обеспечивают смыслы, выполняющие функцию некоего кода или ключа, запускающего определенные механизмы психики и, как следствие, индивидуальные реакции. Человек – единственный представитель отряда приматов, обладающий обнаруживаемой и подтверждаемой потребностью в смысле и в более широком (мета-)значении: ему свойственно предпочитать осмысленную (для него) деятельность бессмысленной и переживать психологическую депривацию в отсутствие таковой; он способен и склонен задаваться вопросами и поисками смысла жизни, не удовлетворяясь лишь биологическим существованием как таковым. Смыслообразующие понятия для индивида могут приобретать такое значение, что их ценность для него иногда превышает ценность самой жизни – человек способен на жертвы и порой способен идти на смерть за ценную для него идею, выполняющую для него функцию смысла жизни.

Управление массами через смыслы производится путем соответствующей обработки смыслов, а именно работы по модификации и смещению семантики смыслов. Именно семантические сдвиги и подмена смыслов решают задачу внедрения определенных установок и оценочных мнений по отношению к определенным идеям, идеологемам, группам и/или политически-значимым фигурам. И таким образом позволяют реализовать те или иные интересы заказчика или создать новые конфликты интересов, борьба за которые возможна лишь при условии вовлечения определенного количества адептов.

На сегодняшний день сложно подобрать понятие или категорию, которая не подверглась бы обработке по модификации и смещению её смысла. Приведём, например, такие понятия, как свобода, права человека, выборы, электорат, патриотизм, радикализм, экстремизм, фашизм, нацизм, либерализм, демократия, духовность, толерантность. Любое из них в силу интенсивной работы с их смыслами на сегодняшний день приобрело крайнюю неоднозначность или целый спектр значений, и в разных контекстах и из разных уст любое из них может трактоваться различно, выражаясь порой и в диаметрально-противоположных толкованиях, в которых и реципиент (слушатель, телезритель) в свою очередь улавливает гипер-смыслы и суб-смыслы. Социальные эффекты, производимые

данными манипуляциями со смыслами, широко известны.

Этот феномен делает острым вопрос адаптации личности к актуальной социальной реальности как к среде, где личность подвержена перманентному «перекрёстному огню» со стороны заинтересованных в его мотивировании агентов влияния. Сегодня это и вопрос адаптации как цели, и адаптивности как средства (способности) не только самосохраниться, но и обеспечить существование и благополучие себе и своему потомству.

Инструментом выживания и самосохранения в таких условиях может быть только сохранение осознанности и контакта с текущей реальностью, выработка своего рода иммунитета против манипуляций сознанием и подсознанием через сохранение способности ясно, критично и самокритично мыслить и оценивать ситуацию, не подпадая под влияние тех, чья задача-минимум добиться эмоциональной вовлечённости объекта.

Метафорически представителя вида *homo sapiens* можно рассматривать как совокупность и эффект взаимодействия двух основных составляющих: hardware (аппаратное обеспечение) и software (программное обеспечение), где аппаратным обеспечением служит тело (организм), а программным – совокупность функций нервной системы, лимбической и иных систем головного мозга, то есть всего того, что обеспечивает индивидуальную психологическую и поведенческую реакцию на стимулы, поступающие из внешней социальной реальности. Как известно, функционирование механизмов и автоматов зависит от того, каким образом машина запрограммирована. Условно говоря, в соответствии с похожим принципом происходит и процесс социализации: определенные социальные институты (значимые родительские фигуры, образовательные и культурные учреждения) заняты модифицированием software индивидов таким образом, чтобы они соответствовали текущим интересам заказчика (элит) и выполняли соответствующие функции, то есть реагировали на внешние стимулы так, как это необходимо заказчику. Подобные меры социализации имеют место в любой культуре, в любом обществе, и в каждом они вырабатываются, корректируются и передаются предыдущими поколениями последующим. Мягкими способами такой модификации можно считать те, которые предусматривают поощрение идеи личностного развития, идею прозрачного общественного договора и реализацию прав и свобод человека; жесткими же те, которые предусматривают неременное наличие образа врага и представление о человеческой жизни как о менее ценной, нежели некая идея/идеология или безопасность/жизнь вождя. Известно также, что индивид может быть и „перепрограммирован“ в более позднем возрасте - это

может стать результатом вовлечения индивида в определённые группы или сферы деятельности, в которых доминируют доктрины и системы ценностей, отличные от доктрин и систем ценностей, принятых в остальном обществе. Тоталитарные секты или закрытые общества могут служить примером подобного „перепрограммирования“.

Гуманистические ценности, получившие со времен Эразма Роттердамского особое значение для культуры и общественного развития европейских и в целом мировых обществ, объединяют и несут в себе идею человека как осознанного существа, стремящегося к свободе, самопознанию и творческой самореализации, то есть человека смысла. Как известно, обскурантизм и дефицит свободы, присущие патерналистским, авторитарным и тоталитарным моделям обществ и моделям управления группами концептуально противоположны идеям просвещения и гуманизма.

Одним из принципов постмодернизма, пришедшего на смену эпохе Нового Времени, принято считать релятивизм, через концепцию которого мир понимается как хаос, как глобальная совокупность относительностей – относительности норм, этик, социальных и политических иерархий и ценностей. В соответствии с релятивистскими представлениями нет истины, а есть лишь интерпретации; нет единой объективной реальности, есть лишь индивидуальные её конструкторы. Данный релятивистский принцип послужил в своё время неким освобождающим механизмом, катализатором развития философской мысли и сделал возможным расширение границ свободы и осознанности для тех, для кого свобода и осознанность представляют гуманитарную ценность. Идея сверхчеловека Ницше концептуально является выражением и продолжением этой идеи «роста над самим собой» через расширение внутренней свободы и осознания себя критически-переосмысляющим нормы и этики объектом, который тем самым представляет собой нечто большее, нежели сумма того, что в него „вложила“, т.е. запрограммировала среда. Без осознания мира как хаоса и без понимания себя в нём как потенциально автономного самоопределяющегося субъекта индивид не может быть в состоянии осознанно взаимодействовать с социальной реальностью, поскольку без осознания данных условий и предпосылок существования индивид автоматически является лишь объектом влияния среды: любое убеждение и любая вера как ориентир или свод этик и норм делают индивида невольником, исполнителем воли субъекта, транслирующего данные убеждения.

Однако как показало время, релятивизм как парадигма может служить не

только инструментом освобождения сознания, его возможно превратить и в своего рода оружие; и современное техническое развитие медиа играет тут особую роль. Ведь нет истины, есть лишь интерпретации, нет реальности, есть много её вариаций, таких как: виртуальная реальность, виртуальная идентичность и всё, что ныне технически возможно копировать и тиражировать бесконечно – медиа-мессаджи, эмоционально вовлекающие потребителей онлайн-информации, платные тролли, множащие «мнения», создавая иллюзию мейнстрима и прочие медиа-эффекты. В подобные ловушки, расставляемые умелыми медиа-технологами, попасть очень легко. Особенно тем, для кого осознанность и свобода стоят не на первых местах в ранге ценностей и потребностей. Медиа с их техническими возможностями позволяют как умножать эффективность перепрограммирования или ре-индоктринирования индивидов, так и значительно увеличивать охват потенциальной аудитории. С момента внедрения радиовещания а затем и телевидения географическая удалённость перестала служить препятствием для подобного рода задач.

Перепрограммирование или ре-индоктринирование индивида возможно именно посредством внедрения подвергнутых модификации смыслов в силу природной чувствительности человека разумного к такой категории как смысл. Одним из примеров может служить упомянутая выше идея Ницше о сверхчеловеке, в своё время семантически модифицированная и превращенная в идею мнимого (расового) превосходства неких одних представителей вида *homo sapiens* над другими. Ещё одним примером модифицирования и смещения смысла может служить то, что произошло с идеей джихада, первоначальное значение которой многим вовсе неизвестно.

Применяя релятивистский принцип как оружие, можно сместить с первоначальных позиций не только смыслы таких понятий как либерализм и толерантность, можно исказить и сбить «настройки» и фундаментальных понятий добра и зла, тем самым сделав любого индивида управляемым исполнителем чьей-то воли в борьбе за некое «добро» и против некоего «зла».

Индивид, чьё сознание контаминировано понятиями со смещёнными смыслами, неизбежно утрачивает способность самостоятельно ориентироваться в социальной реальности – с этого момента как ведомый он нуждается в ведении, в лидирующей и направляющей функции, осуществляемой более «ориентированным» субъектом. Утратив собственные ориентиры, индивид автоматически становится не только жертвой субъектов влияния, но и сам становится своего рода оружием в их руках, так как он воспроизводит (копирует и

множит) культурные образцы мышления и поведения, в которых заинтересован его ведущий, и тем самым сам индивид становится агентом влияния в интересах, которые не всегда совпадают в его собственных, если бы он их осознал.

Здесь уместно пересмотреть идеи Фуко, в частности, его идею заботы о себе как идею способа самореализации, однако, в данном контексте – и как идею успешной личностной адаптации и индивидуального (а во многих случаях и группового) самосохранения. Человек осознанный и сознательно стремящийся сохранить, уберечь свою осознанность, имеет шанс уцелеть в сотканной из множественных относительностей социальной реальности постмодерна. Тот, кто не занят подобными вопросами, таких шансов не имеет, а обречен на маргинализацию, существование иждивенческого или паразитарного типа за счёт тех, кто активно определяет социальный дискурс, равно как обречён и на всё большее отчуждение от подлинной реальности, так как он вынужден – в таких условиях это отводимая ему роль и функция – являться потребителем (псевдо-)реальностей, конструируемых кем-то.

Не случайно и концепции образования и образованности также претерпевают свои заметные изменения, тренд здесь однозначен, ведь и смысл содержания образования видоизменился, и сам общий уровень образованности, если принимать его за величину, коррелирующую со степенью осознанности, в значительной степени упал. Доступ к особому рода знаниям и компетенциям открыт не всем, зачастую этот доступ закрыт как к рынкам определённых компетенций, границы которых ревностно защищены от размывания. Этот тренд прослеживается не только в культурах и обществах, переживающих тяжёлый кризис, но заметен и в относительно экономически-устойчивых западных странах. Термин «профессиональный идиотизм», введённый ещё Марксом, описывает данный феномен: узкая специализированность и «заточенность» на выполнение определённых профессиональных функций у современных специалистов порой соседствует с крайне скудно выраженными индивидуальной осознанностью и способностью критически мыслить и оценивать ситуацию. А значит, и способностью успешно адаптироваться в ней.

Ещё одной ловушкой релятивизма является заложенное в самой идее относительности отсутствие лимитов или сдерживающих пределов для переосмысления или переинтерпретирования смыслов. Так, в условиях обесценивания ценностей и приоритетов гуманистического толка постепенно утрачивают своё значение и самые принципиальные ценности, например, ценность человеческой жизни. В конфликтах интересов, таких как крестовые

походы или захватнические войны, людям всегда отводилась роль расходного материала. Однако, возможно, мы переживаем эпоху, в которую субъективно воспринимаемая ценность человеческой жизни достигла минимального своего значения, как в силу протекания в мире подлинных вооруженных конфликтов и их воспринимаемой почти «обыденности», так и в силу опыта соприкосновения новых поколений с множественными сконструированными и копируемыми реальностями и (телевизионными и компьютерными) псевдо-реальностями, в которых убить человека ничего не стоит и никаких последствий за собой не влечёт. Войны двадцать первого века происходят не на полях битв, они развязываются и ведутся прежде всего в лимбических системах.

Вопрос адаптации личности к данным условиям безальтернативен: личности не остается ничего, кроме как принять вызов и самоопределиться – объектом социальных (и политических) отношений ей быть или субъектом, то есть быть потребителем (медиа-контента) или создателем (подлинной реальности). И чем далее мы заглядываем в будущее, тем безальтернативнее выглядит данная перспектива, так как технические средства делают всё более возможными тотальный контроль и (нежесткое) мотивирование и реиндоктринирование. К числу этих технических средства относятся и средства геолокации, видеонаблюдения и слежения, встроенные в том числе и в индивидуальные средства связи, и consumer tracking, и биометрические средства идентификации, и цифровые способы осуществления платежей и многие другие новшества, более известные узким специалистам, нежели широкой публике. Эти технические средства уже превратились в средства реализации власти, власти, которая сегодня расширяет свои границы гораздо интенсивнее, чем сам человек склонен расширять границы своей свободы и осознанности.

На фоне описанных особенностей современности как и на фоне более поздних постмодернистских моделей, скорее анти-утопических или пессимистических, ранняя философия выглядит теперь идеалистской, гипертрофированно-нереалистичной, в какой-то мере даже фантазёрской. Как если бы и древние греки, и Шопенгауэр с его взглядом на человека как на существо, обладающее ненасытной «волей к жизни» и тягой к осмыслению мира и себя, стремились сделать щедрый комплимент homo sapiенсу. Как делал в своём роде и Ницше, апеллируя к воле к власти и свободе... Идеалистскими и несоразмерно оптимистическими на нынешнем фоне кажутся и идеи Эразма Роттердамского и других мыслителей и ученых эпохи просвещения, представлявших себе будущее не таким, каким оно рисуется нам сейчас. Уже и в

литературе двадцатого века нашли своё отражение и зазвучали по-особенному актуально анти-утопические визионерские идеи Хаксли, Оруэлла и Лема. Возникает даже иллюзия того, что, чем дальше мы всматриваемся в историческую ретроспективу, тем выше кажется уровень притязаний мыслящих людей в отношении таких категорий как личностная свобода, творческая самореализация и осознанное, осмысленное существование. Или, быть может, это вовсе не иллюзия?

Литература

Baudrillard, J. "Man muss sich vor der Wahrheit hüten" *Die Tageszeitung* (taz.de), 22.11.2000.

Lukes, S., "Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power" in Felix Berenskoetter and M.J. Williams, eds. *Power in World Politics*, Routledge, 2007.

Nye, J., *The Powers to Lead*, NY Oxford University Press, 2008.

Фуко М. *Забота о себе. История сексуальности. т.3* — Киев: Дух и Литера, 1998.